

Отзыв
на диссертацию Даниила Александровича Бессуднова
на тему «Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в.»
(Санкт-Петербург, 2017) на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история

В наши дни, когда интерес к российско-европейским отношениям непропорционально и не очень оправданно научными логиками возрос, новая работа по такой деликатной теме не нуждается в слишком дотошном обосновании. Актуальность самой темы, цель и весь круг выдвинутых в диссертации Д.А. Бессуднова задач у меня не вызывают сомнений. Они прописаны и осмыслены предметно и по самой сути, с хорошим видением проблемы, путей и трудностей в ее раскрытии. Большое внимание, больше обычного для российской науки, в диссертации уделено внутривосточной борьбе в Короне Польской и Великом княжестве Литовском за решение Ливонского вопроса и, в целом, в конкуренции на Балтике. Обширная и богатейшая для ученых разысканий база источников – Прусский архив и особенно корреспонденция герцога Альбрехта Бранденбургского, одного из самых влиятельных участников разрастающейся на рубеже 1550-1560-х годов войны за Балтику и, что особенно ценно, влиятельного в разных кругах политика с широкой сетью информантов. Можно согласиться с Автором, когда он оценивает археографию этих фондов, и поддержать методический принцип использовать в научной работе не регесты, а именно оригиналы из данного архива (с. 17). Широко, даже если где-то неполно, использованы материалы из Шведского государственного архива, а также опубликованные источники польского, ливонского и российского происхождения.

В главе 1 намечены предпосылки войны за Ливонию и особенно тщательно, на основе авторских переводов из источников прописан вопрос о границах Ливонии с Коронай и Литвой. Здесь Д.А. Бессуднов пришел к ряду ценных точечных выводов. Среди них – о формировании с конца XIV в. линейной границы Ливонского ордена с Коронай и Литвой, о существовании на рубеже XIV-XV вв. пограничных пунктов совместного немецко-литовского пользования, а также – особенно ценным представляется – вывод об относительной независимости политики Ливонского ордена от главенствующего над ним Тевтонского ордена. Последнее особенно важно для понимания отношений между Москвой, Орденом и Вильно к 1501 г., когда магистр Вольтер фон Плеттенберг заключил имевшие далекие политические последствия военный договор с великим князем литовским Александром Ягеллончиком против великого князя московского Ивана III. Подробно и с глубокой предысторией описан институт протектората над различными ливонскими землями, оказавший важнейшее влияние на расстановку сил на Балтике в первые годы Реформации и особенно в момент распада Ливонского ордена в середине XVI в. В целом, полагаю, убедительно показана политическая и экономическая значимость Ливонии для Польско-Литовского государства в середине XVI в., возможно, даже с излишним акцентом на торговых интересах Короны и Литвы в данном регионе. Провокационно звучит ключевой тезис о причинах разрастания аппетитов Короны и Литвы, а точнее – их временно единого правителя Сигизмунда II Августа, на Ливонию: «Ливония должна была стать тем элементом, который бы уравновесил экономически сильную Польшу и теряющую свои позиции Литву, а Сигизмунд II Август сохранил полноту своей власти благодаря игре на противоречиях между двумя частями собственной державы» (с. 64).

Уточнить тезис о причинах борьбы за Ливонию призвана глава 2, где развиты и дополнены достижения историографии, особенно Я. Олевника, показана роль герцога Альбрехта Бранденбургского в формировании орденой и польско-литовской политики. Показано, что секуляризация Тевтонского ордена и его формальное подчинение польскому королю повлияло на изменение взаимоотношений Ливонского и Тевтонского орденов, превратив их de facto в два отдельных религиозно-государственных

института. Влияние герцога Альбрехта, императоров, польских и датских королей на ливонских магистров и коадьюторов проходило через институт консерватуры, который усложнял политическую жизнь в Ливонии и вносил элементы непредсказуемости в распределение там власти и во властные конфигурации сторонников и противников независимости Восточного ордена. Институт протектората над Ливонией позволил в середине XVI в. расширить круг заинтересованных сил в эскалации конфликта. Хотя, конечно, ни Шведское королевство, ни Российское царство, втягиваясь в войну, в правах на подобное покровительство не нуждались. В 1550-е годы возникли проекты вхождения Ливонского ордена в ленную схему подчинения Тевтонского ордена и полного подчинения Ливонии Короне и Литве (проекты герцога прусского Альбрехта Бранденбургского, архиепископа рижского Вильгельма и советника последнего, Георге Таубе, значимый для развития кризиса чуть позже временный отказ датского короля вмешиваться в дела Ливонии). Противоречия между всеми сторонами в наметившемся дипломатическом многоугольнике проявились впервые со всей остротой в так называемой коадьюторской войне, закончившейся вступлением в нее короля Сигизмунда II Августа и подписанием Позвольских соглашений. Здесь очень важный момент, который заслуживал бы даже более подробного изучения, - поддержка идеи «сближения с Россией, а не с Польско-Литовским государством» рижскими сословиями и Ливонским орденом при обсуждении кандидатуры на должность рижского коадьютора и ответное подчеркивание фактора «русской угрозы» сторонниками сближения с Коронай и Литвой в 1554-1555 гг. (см. с. 94, 99, 107, 113, 117 и сл.). В этом сюжете ощущается нехватка широкой дипломатической перспективы на – формально мирные – отношения между Великим княжеством Литовским и Московским государством, русско-шведскую войну и на степную политику обоих государств, которая, как представляется, сдерживала Москву и Вильно от более активного вмешательства в ливонские процессы. Впрочем, это не критическая ремарка, а скорее – пожелание на будущее, которое требовало бы значительного расширения и без того немалой по объему работы.

Логично, хотя и не очень взаимосвязано с предыдущими двумя главами диссертации, обсуждение в гл. 3 эскалации ливонского кризиса и вступления в войну Московского государства в январе 1558 г. Д.А. Бессуднов разделяет точку зрения о «демонстративном характере русских военно-оперативных действий» в этом походе (с. 124, ср. с. 127). Что ж, на это есть немало указаний в источниках и множество приближающихся к этим оценкам мнений исследователей. Было бы странно отступать от этой точки зрения. Отмечу лишь на полях, что принимая ее, мы следуем оценкам, возникшим в дипломатической конъюнктуре конца 1557 – начала 1558 г. и отражающим не столько чьи-то стратегические планы, сколько в своем роде “wishful thinking” российской высшей власти, с трудом и значительными придворными пертурбациями решавшей вопрос о развитии военной политики. В этом разделе несомненный интерес вызывают наблюдения за изменениями в польско-ливонских отношениях на фоне разрастающегося вторжения Москвы во владения Ливонского ордена и развитие проектов по объединению Ливонии с Коронай и Литвой (от переписки и поиска средств на ведение войны или договор с Москвой к Первому и Второму Виленским договорам). Как показывает Автор, Сигизмунд II Август оказался в результате вторжения московитов перед нелегким выбором, из которого приходилось выходить, утрачивая позиции в Ливонии и сохраняя букву договоренностей с Москвой. В этом разделе работы убедительно звучит вывод о «сепаратном и нескоординированном характере» действий ливонских властей и их союзников перед лицом московской угрозы (с. 138).

Нам остается отметить отдельные недостатки рецензируемой работы.

К их числу следует отнести слишком беглый характер историографического обзора. Объем и формат квалификационной работы сглаживают первое впечатление от оценки задела предшественников. И все же ряд важных направлений исследования в рамках намеченной темы уже отражен именно в том ракурсе, который

выбран как принципиальное ноу-хау диссертанта. Изучая влияние внутренней политики Короны Польской и Великого княжества Литовского на так называемую «балтийскую политику» середины XVI в., уже невозможно не учитывать работ Иеронима Грали или Марека Ференца. Кроме того, лишь однажды бегло упомянутые в рецензируемой диссертации исследования Станислава Бодняка, основанные на масштабном комплексе архивного материала, по трагическому стечению обстоятельств переросли статус историографического памятника. Значительная часть его старательно сохраненных в Курнике и доступных для исследователей выписок по истории балтийской политики после архивной катастрофы Второй Мировой войны превратилась в уникальные источники.

Как представляется, несколько нелогично в архитектонике работе, что во второй главе обсуждаются прорусские настроения в Ливонии, тогда как об их судьбе с января 1558 г. ничего больше Автор не говорит.

Технический момент – на перспективу, весьма востребованную, увидеть рецензируемую диссертацию в виде монографии: я бы предложил автору отказаться от несколько дезориентирующих датировок «правления» в скобках, которыми (и датировками, и скобками) пестрит сейчас работа. Скажем, даты великого княжения Ивана III уместны, хотя и обходят стороной вопрос о его соправителях, но вот что значит единая дата для правления Александра Казимировича «(1492-1506)» (с. 33, ср. с. 39)? А когда в самом начале работы Автор приводит в скобках к имени Сигизмунда II Августа дату «(1544-1572)» (с. 6), то в ней «1544 год» задает еще один принцип датирования, отличный от всех названных мной выше, и конечно, малоубедительный с точки зрения формального титула. У этих начальных и конечных рамок в датировке есть и своя двусмысленная сторона, которая однажды, на мой взгляд, сыграла злую шутку с логикой повествования. Говоря о подготовке польско-литовских властей к экспансии в Ливонии, Д.А. Бессуднов пишет: «Однако с начала правления Сигизмунда I и его сына, Сигизмунда II Августа, польско-литовские государя проявляли все больше активности в урегулировании взаимоотношений с Ливонией» (с. 40, сходно см. на с. 56). Мне трудно представить себе в данном случае иные даты, помимо 1529-1530 гг., когда Сигизмунд II последовательно стал соправителем отца сначала в Литве, а затем и в Короне. Однако подразумевал ли диссертант именно эти даты, какие-то из них или какой-то более широкий контекст, из текста диссертации неясно.

На мой взгляд, замечу в последнюю очередь и уже совсем на полях, при упоминании общеизвестных фактов, таких как Прусская присяга, необязательно ссылаться на канонические обобщающие работы. Вообще, в тех случаях, когда никак не звучат дискуссионные акценты, можно ни на что не ссылаться, а просто упоминать необходимый факт.

Остается подвести итоги, и баланс удач и промахов, на мой взгляд, не оставляет сомнений в вопросе формального академического признания. Несмотря на высказанные замечания, диссертация Д.А. Бессуднова вносит немалый вклад в изучаемую тему, ее текст заслуживает публикации, а сам ее Автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Профессор кафедры истории
и теории культуры, ведущий
научный сотрудник центра
научного проектирования
Российского государственного
гуманитарного университета, д.и.н.

К.Ю. Ерусалимский

07.03.2018

*Копия К.Ю. Ерусалимского
Савельев Т.Н.
Зан. Наганьша УК 07.03.2018*